

ХРОНИКА

(Продолжение. Начало стр. 10)

Для Мандельштама принятое решение ("минус 12") "преблагоприятное". Воронеж — это, конечно, не "покой", но все же лучше Богом забытой Чердыни.

Современники отмечают черту, характерную для 30-х годов: острые психические расстройства у людей, побывавших "там". "Лишь бы его там не свели с ума... наши на это большие мастера" (тоже мастера!).

говорит Надежда Яковлевна "знакомый чекист". И заведующая чердынской больницей: "Что вы от меня хотите? Все они отсюда приезжают в таком состоянии".

"Мне странно, Марго! У меня опять начались галлюцинации", сокрушается Мастер, извлекший из своего больничного небытия, и представший перед странной ночной компанией. "Да, заговорил после молчания Воланд, его хорошо отделили". Не приходится спорить, что "отделили" героя до того, как он оказался в клинике Стравинского: спелсикушки были еще делом отдаленного будущего.

Облик Мастера, доставленного на весенний бал полнолуния, скорее тюремный, нежели госпитальный. Маргарита видит во сне Мастера: он находится в безнадёжной, унылой местности, у дверей какого-то "бревенчатого здания". "Волосы всклокоченные, небрит. Глаза больные, встревоженные". "Встревоженные глаза" Мастера находят соответствие в "свойственном" глазам Мандельштама выражении "какой-то воспаленной гневной тревоги" (С. Липкин). Это по чердынской больнице Мандельштам мог бродить "небритый, заросший библейской бородой". В сверхкомфортабельной, европейского уровня клинике Стравинского, судя по всему, больных брили.

Итак, портрет. "С балкона осторожно заглядывал в комнату бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и свспивающимися на лоб клоком волос человек примерно лет 38-ми". Здесь нет ни одной детали, которая однозначно напоминала бы автора. За исключением разве возраста: Булгакову в 1929-м (год, когда начал роман) 38 лет. Впрочем, как и Мандельштаму.

Замечено, что автор "Мастера и Маргариты" придал своему герою черты сходства с Гоголем (ср. в редакции 1934 года: "блондин с висшим клоком волос и острым птичьим клювом").

Но острый "птичий клюв" характерная примета и Мандельштама (см., например, тюремную фотографию 1938 года и особенно портрет работы Л. Бруни: "гоголевский" клоч спадающих на лоб волос). Попробуем взглянуть на поэта глазами поэта:

*Говорили, что в обличье
У поэта что-то птичье
И египетское есть;
Было нищее величье
И задержанная честь...
Глутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался...*

В стихотворении Арсения Тарковского как бы присутствуют черты еще одного героя.

"Я мастер, — он сделался суров и вынул из халата совершенно засаленную шапочку с вышитой на ней черным шелком буквой "М". Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль, и в фас, чтобы доказать, что он мастер".

Вот первое булгаковское впечатление от встреченного во Владикавказе Мандельштама (1920 год): "голову держал высоко, как принц". Поэт — принц и нищий одновременно. И первоначальное имя Мастера (в ранних редакциях) — поэт.

При этом Мастер замечательно образован. "Я знаю 5 языков, кроме родного: ответил гостю: английский, французский, немецкий, латинский и греческий. Ну, немножко еще читаю по-итальянски".

Немецким Мандельштам владел с детства (он переписывался с отцом по-немецки), с другими языками познакомился в годы учебы. Что же касается итальянского, автор "Разговора о Данте" всерьез занялся им как раз накануне ареста.

Хотя в отличие от Мастера Мандельштам, казалось бы, неплохо знает литературный мир, он там чувствует себя тоже крайне неуютно.

*Как боялся он пространства
Коридоров! Постоянства
Кредиторов! Он, как дар,
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.*

"Пространства коридоров" (не только редакционных!) Мастер боится, пожалуй, не меньше, чем герой этих стихов. С литературными коридорами, как и с коридорами власти, у Булгакова связаны самые тягостные воспоминания. И реплика в "Мольере": "Актеры до страсти любят всякую власть" — это, конечно, отражение не только мхатовского опыта. Слова из "Четвертой прозы" "писательство — это раса... везде и всюду близкая к власти, которая отводит ей место в желтых кварталах, как проституткам", — эти слова могли быть произнесены и героем булгаковского романа.

Литературное "волчье" одиночество приводит к болезни.

*...Одиночества боялся,
И стихи читал чужим.*

"У М. А. плохо с нервами, записывает Елена Сергеевна 13 октября 1934 года. Боязнь пространства, одиночества. Думает, не обратится ли к гипнозу".

Мандельштама в Чердыни и в Воронеже преследовали слуховые галлюцинации. Ему мерещились голоса — "сборная цитата" из всего, что он слышал во внутренней тюрьме. Болезнь вскоре прошла, и "единственное, что

Н. Я. Мандельштам, — это возникновение у О. М. время от времени желания примириться с действительностью и найти ей оправдание. Это происходило вспышками и сопровождалось нервным состоянием, словно в такие минуты он находился под гипнозом".

Надежда Яковлевна считает "гипнозом" то нормальное жизненное состояние, в котором пребывало большинство. Булгаков с помощью гипноза хотел избавиться от своих страхов. При всех частных различиях оба заболевания носили **посттравматический** характер. Одно из них возникло после пребывания во внутренней тюрьме ГПУ, другое — после фактического отказа в выезде из другой тюрьмы "внешней". "Нет, легче посох и сумка", говорил Пушкин. Это свобода. К безумию ведет неволя.

"Страх владел каждой клеточкой моего тела", вновь процитируем мастера: автобиографичность этих признаний несомненна. Хотя и характер героя, и тип его поведения, и темперамент все это имеет мало общего с реальными чертами блестящего, неистощимого на выдумки остроумца Булгакова. Мастер — это скорее "идеальное" самоощущение автора, глубинная его исповедь. Совпадает рисунок судьбы: журнальная гравия, сожжение романа, любовная коллизия, болезнь.

В остальном история Мастера — это история Мандельштама.

Задумаемся вопросом: кто из круга известных Булгакову лиц после кратковременного и грозившего самым худшим ареста был "выпущен", затем угодил в сумасшедший дом, а затем вышел на волю морально потрясенный и мечтающий о возвращении "в подвал"? Кому дозволил облегчить участь?

Исход мандельштамовского дела нетипичен (степень наказания не соответствует тяжести обвинения). Но типично ли, спросим мы, освобождение Мастера — в половине января, ночью, в том же пальто, но с оборванными пуговицами? Если его вина по-прежнему была (а в тексте романа нет никаких указаний на то, что герою удалось оправдаться), почему он оказался на свободе? Если же причина его повредившийся рассудок, почему тогда его не передали в дом скорби официально — так сказать, из рук в руки?

Нет ничего невероятного в том, что в период интенсивной работы над романом Булгаков как бы просиживает "горючую участь" Мандельштама на свою собственную судьбу, примеряет к себе его жребий. Какими видятся ему ближайшие перспективы? Только что обретший пристанище, любящий и любимый, он понимает, что не застрахован ни от тюрьмы, ни от безумия. Не потому ли в чертах Мастера проступают "чужие лики": он — "герой нашего времени". Или, если угодно, метагерой.

Из протокола допроса Мандельштама от 17 мая 1938 года (ровно 4 года назад его впервые арестовали и ровно год назад кончился срок его воронежской ссылки):

Вопрос. Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?

Ответ. Виновным себя в антисоветской деятельности не признаю.

Так мог бы ответить и оболганный Мастер. Приведем один из характернейших анекдотов той поры:

За что 10 лет слопотал?
А ни за что.
Не ври, ни за что 5 дают.

В документах следствия сказано: "В силу психической неуравновешенности Мандельштам способен на агрессивные действия". Это ли не предлог для его изоляции — причем, разумеемся, не в "клинике Стравинского"? Ибо комиссией врачей устанавливается: "Душевной болезнью не страдает, а является личностью психопатического склада со склонностью к навязчивым идеям и фантазированию. Как душевнобольной **вменяем**".

Так тюремная медицина подтвердила, что Мандельштам — поэт: "навязчивые мысли и фантазирование" есть принадлежность творца. Мастеру на сей раз было отказано в безумии.

В марте 1938 года, еще рассчитывая на получение работы, Мандельштам писал Ставскому: "Жду Вашего содействия ответа".

Ответ явился через пару месяцев в виде двух вежливых сотрудников НКВД.

Ставский умрет в 1943 году — достойной военной смертью. Вряд ли вспомнит он в свой последний час о погубленном им поэте. И вряд ли явится ему, словно некогда 5-му прокуратору Иудеи, "испуганная" мысль о каком-то должностяующим непременно быть и с кем? — бессмертия, причем бессмертия почему-то вызывало нестерпимую тоску. Но, как замечает в мучительном сне Пилата бездомный философ Истуа Га-Ноири: "Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня, — сейчас же помянут и тебя".

"Глупый и по-своему жестокий человек Ставский", — скажет исплохо знавшая его Валерия Герасимова, первая жена Александра Фадеева.

Так замыкается круг "странных сближений". Ибо Фадеев — тот, кто будет напутствовать Булгакова и Мандельштама на пороге смерти. Слово бледнолицый вестник смерти — Абадонна, возникает он на исходе жизни Мандельштама и Булгакова, как бы знаменуя собой исотвратимость судьбы. И если "женщины, сырой земле родные", призваны "сопровождать умерших", он, родственный совсем иным стихиям, вослед живым, но уже обреченным роиает искреннюю, с оттенком государственной горечи, напутственную слезу...

Полный текст работы И. Волина